

ЛЕСНОЙ ЕВРОРЕМОНТ, или ДРЕВНЕЕ ЗЛО В ХРУЩЁВКЕ

ЮЛИЯ КОЗГОВА

Юлия Козгова

Лесной евроремонт или древнее зло в хрущёвке

<https://litres.ru/74366837>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если твоя жена ушла к соседу, пока ты пытался стать человеком?

Морх — древнее лесное зло. Он устал от гнилой берлоги, орущих детей и вечных сравнений с Лешим. Он вселяется в тело студента, чтобы попробовать жизнь с человеческим комфортом. Но цивилизация оказывается не раем, а ловушкой: учёба, работа, счета, вынос мусора. Когда Морх возвращается в лес, его жена Грозная уже строит бизнес по продаже элитных дупел с тем самым соседом-Лешим.

Сможет ли Морх вернуть семью, которую потерял по собственной глупости? Или ремонт в берлоге навсегда останется чужим?

«Лесной евроремонт» — лёгкое, смешное бытовое фэнтези о том, как важно не убегать от своих проблем, даже если ты — древнее зло.

Юлия Козгова

Лесной евроремонт или древнее зло в хрущёвке

Глава 1. Кризис среднего возраста древнего зла

Утро в трёхкомнатной хрущевке на окраине притаежно-го Приозерска начиналось по одному и тому же сценарию: с запаха яичницы с колбасой, бульканья закипающей воды в чайнике и неизбежного утреннего дурдома.

— Марк, ты куда без шарфа?! Сентябрь на дворе, в Сибири ведь живем, тут медведи от гриппадохнут! — голос матери пробивался даже через наушники, в которых громко играла музыка.

Девятнадцатилетний студент Марк Градов стоял в тесной прихожей, лихорадочно завязывая шнурки на потрепанных белых кедах, и чувствовал, как под глазом начинает дергаться нерв. Из кухни, шурша халатом и размахивая половником, уже выплывала мама Наталья — заспанная, злая и абсолютно уверенная, что судьба всего человечества держится исключительно на ней.

— Мам, я на пары иду, какие медведи, какое «без шарфа»? На улице плюс пятнадцать! — голос Марка сорвался на фальцет.

— Плюс пятнадцать — для имбецилов, а для нормальных людей это пневмония! — чеканила мать, на ходу запихивая в карман его толстовки пачку салфеток. — И чтоб поел нормально! И шапку я тебе в рюкзак сунула, в дальний карман...

— Мам, хватит! Я не маленький! — Марк дернул плечом так, что лямка рюкзака затрещала по швам, и схватился за ручку двери. — Чес слово, лучше бы я родился медведем в глухой тайге, чем слушать этот бред каждый день! Жить здесь невозможно, вот уйду в лес, чтобы меня комары сожрали, нозато в тишине побуду!

— А ну не хами матери! — донесся из комнаты ленивый бас отца и главы семейства, Юрия Градова, который даже не оторвался от телевизора. — Она тебе добра желает.

— Да пошли вы со своей заботой! Надоели уже! — рявкнул Марк, вывалился на лестничную площадку и с грохотом захлопнул дверь так, что с потолка подъезда осыпалась побелка.

Он летел вниз по ступеням по две за раз, задыхаясь от злости и желания немедленно сбежать подальше от этого цирка. План в голове рождался простой: отсидеть унылые пары, а на обратном пути срезать дорогу через Мертвый Клин — полосу старого леса, куда даже бродячие собаки не совались. Просто для того, чтобы забиться в самую глушь, выдохнуть этот бытовой абсурд и наконец-то решиться на побег от предков.

Марк даже не подозревал, насколько буквальным окажется-

ся его крик души, брошенный на эмоциях.

А за пять километров от городских окраин, в самом сердце сибирской тайги, воздух падал тяжелым свинцом. Там пахло прелой листвой, сырой землей и звенящей тоской.

Жители окраинных домов в Приозёрске старались даже не смотреть в ту сторону и называли это место не иначе как Мертвый Клин. Деревья сплетались верхушками так плотно, что солнце сюда вообще не заглядывало. Под ногами лежал толстый слой мха, в котором неосторожный путник легко мог увязнуть по пояс, а местные комары обладали коллективным разумом, судимостью и четким знанием геопозиции каждого грибника.

В самом центре этой мрачности, в глубоком овраге, сидел Морх. Он тоскливо скреб когтями собственную лапу — вроде бы человеческую, но полностью деревянную и полупрозрачными перепонками. На голове у него торчали кривые рога, похожие на сломанные ветки, а вместо глаз светились два желтых огонька.

Морх числился древним духом тайги из вымирающего рода злобной нечисти. Только за последние три столетия работа в лесу совсем перестала приносить удовольствие. Туристы измельчали донельзя: они больше не падали в обмороки от страшного смеха в темноте, а тупо светили в морду фонариками телефона и орали: «Мужик, ты из какого косплея? Скинь геопозицию в телегу, тут Интернет не ловит!».

От одной этой мысли Морху хотелось взвыть. Он вообще-то древний ужас и ледяное дыхание чащи, а не аниматор для любителей шашлыков.

Чуть выше по склону, у кострища из почерневших костей лесных животных и неудачливых геологов, кипела суровая семейная жизнь.

Супруга Морха, Грозная — внушающая трепет трехметровая фурия из переплетенных древесных корней, болотного ила и ржавых альпинистских снаряжений — плавно затачивала о валун тяжелый тесак. Четыре ее предыдущих мужа давно лежали в схроне под папоротниками в качестве удобрения для мухоморов и волчьей ягоды, и сам Морх держался рядом исключительно благодаря умению вовремя исчезать в тумане.

— Ты только взгляни на соседей! — затянула Грозная свою привычную песнь, и от ее утробного баса с веток осыпалась хвоя. — Леший с Третьего Болота уже третий век подряд новую кору отращивает, у него дупло по последнему пisku лесной моды, очаг из болотного торфа и панорамный вид на гнилые коряги! А мы прозябаем в этой сырой берлоге, жрем коренья и мох! Мелкие уже второй сезон подряд бегают в обносках шкуры медведя-шатуна!

Из зловещей темноты оврага одновременно высунулись четыре бесформенных субстанции, личинки первобытного кошмара, усыпанных рядами острейших светящихся зубов. Мелочь окружила его со всех сторон, капая слюной на папо-

ротник:

— Па-а-ап, туристы опять потеряли мигающую коробочку! — затынул Кошмарик.

— Тётя Кикимора сказала, внутри нее живые огоньки живут! — подхватил Ужастик, перебирая лапами.

— Мы тоже хотим в нее целый день пялиться! — потребовал Компост.

А младшенькая, крошка Гнилушка только жалобно пискнула из-за спин старших братьев:

— И мне... мне тоже посмотреть!

— Да хватит уже! — Морх резким движением распрямил свое могучее, бесформенное тело. — Хватит с меня сырости, плесени и ваших претензий! Я уйду в город. Буду жить как человек. Хочу нормальную крышу над головой, белый хлеб, мягкий матрас и чтобы по утрам никто не орал! Надоела такая жизнь!

— Ты совсем с дуба рухнул, старый пенёк?! — взревела Грозная, взмахнув массивными ветвистыми руками так, что затрещали верхушки елей. — Какой еще город?! Нас там отравят химикатами из чайных пакетиков, закатают в асфальт или — упаси боги — заставят оформлять ипотеку под проценты!

— Хватит с меня! — оборвал ее Морх. — Всё, уйду прямо сейчас. Найду себе человеческий шалаш, включу ящик с картинками и буду пить растворимый кофе три в одном.

И, не оборачиваясь на летящие вдогонку кости и трех-

этажные маты благоверной жёнушки, древнее зло уверенной, тяжелой поступью двинулось сквозь чашу, через Мёртвый Клин на манящий свет далеких фонарей Приозёрска.

Дорога к цивилизации пролежала через бурелом и старую заброшенную просеку. Морх уже предвкушал, как займет пустующую квартиру какого-нибудь одинокого пьянчуги, которого никто не хватится, когда на узкой тропинке неожиданно столкнулся с человеком.

Это был парень лет девятнадцати в потертой толстовке с капюшоном, поношенных белых кедах и с рюкзаком, с болтающейся лямкой за плечами. Он явно заблудился: крутился на месте, безрезультатно тыкал пальцем в темный прямоугольник какой-то светящейся человеческой хреновины и нервно матерился, пытаясь поймать невидимые для нормальных существ волны. Тот самый студент Марк, который еще утром хлопал входной дверью в хрущёвке, а теперь пытался срезать дорогу через Мёртвый Клин.

Морх остановился в тени развесистой ели. Поначалу у него мелькнула логичная для существа его уровня мысль — заломать паренька, напугать до потери пульса и сожрать его. Но потом древний дух посмотрел на потертые кеды студента, на его уставшую физиономию — и внезапно понял: вот оно.

Зачем вселяться в какого-то бродягу с теплотрассы, если можно взять готовую, социально одобряемую личность? У парня явно есть родители, теплая квартира в панельке, горячий суп на плите и то самое спокойствие, ради которого

Морх и покинул родной овраг.

Парень услышал шорох, поднял голову и испуганно вздрогнул, заметив в полумраке текучую фигуру с рогами и перепончатыми пальцами:

— Эй... вы кто? О, мужик, здорово, тут тропинка к шоссе вообще ведет?

Морх ничего не ответил. Он просто качнулся вперед, окутав студента плотным, густым облаком первобытного лесного морока.

Воздух вокруг пошел искрами мелкой пыли. Марк выронил бесполезную коробочку, схватился руками за голову, чувствуя, как сознание начинает плавиться, а его самого накрывает плотной туманной пеленой. Последнее, что он услышал перед тем, как провалиться в мох в глубоком сне, был голос, один в один как у него самого: «Спасибо за толстовку, парень. Дальше я пойду один».

Когда морок рассеялся, на лесной тропе остался стоять один-единственный Марк. Точнее, его точная копия.

Морх с интересом осмотрел свои новые, человеческие руки, потрогал пальцем родинку над бровью, сунул руки в карманы толстовки и довольно улыбнулся. Чужой набор ДНК, воспоминаний и базовых рефлексов сидел в голове как влитой.

— Ну-с, — пробормотал древний дух голосом студента, смакуя его на слух. — Пойдем посмотри, что для на приготовила цивилизация. Говорят, дома ждет горячий суп с фри-

кадельками.

Глава 2. Культурный шок и мусорное ведро

Приозёрск после гниющего и бесконечно тоскливого Мертвого Клина показался Морху венцом цивилизации, практически раем на земле.

Древний дух шел по асфальтированной дороге с глубокими выбоинами и лужами до лодыжек, высоко поднимая ноги в кедах Марка, и заворуженно глазел по сторонам. О, этот божественный мир людей! Какие здесь были грандиозные постройки! Ржавые гаражи с висячими замками, покосившиеся от древности деревянные заборы, едкий дымок из труб котельной и величественные пятиэтажные коробки из серого панельного бетона, похожие на надгробия человеческой тоски.

Морх шел по асфальту, наступал в лужи и откровенно наслаждался. В лесу что? Постоянная сырость, мхи, вой волков и вечные заботы о том, кого бы сожрать. А здесь — блаженная цивилизация. На столбах висели яркие плакаты-растяжки с обещаниями быстрого кредита под тридцать процентов годовых, пахло выхлопными газами, жареными пирожками из киоска и тухлятиной из мусорных баков.

«Прекрасно, — думал Морх, перебирая в голове чужие воспоминания. — Никаких тебе трехметровых жён с тесаками, никаких орущих личинок. Только бетон, мамины пель-

мешки и абсолютный покой».

Он легко отыскал нужную хрущёвку, она располагалась на улице Ветеранов Труда, дом 16, поднялся на третий этаж и уверенно отпер дверь квартиры номер 21 ключом, который лежал в кармане толстовки.

В прихожую Морх шагнул с видом хозяина жизни, который пришел забрать свое законное место под потолком. Но в ту же секунду из кухни выплыла мама Наташа с осуждающим взглядом и скрещенными на груди руками. Утренний скандал с хлопаньем дверью все еще висел в воздухе.

— О, явился! — едко бросила мать, смерив его убийственным взглядом. — Не прошло и полгода. Что, в лесу-то не живетесь? Соскучился по дому, житель лесной?

Морх оцепенел. Внутри него все похолодело, а древняя злобная сущность сжалась в комок.

«Откуда?! — пронеслось в голове у лесного духа. — Откуда эта двуногая самка человека знает, что я только что из леса?! Я же стер все следы, наложил идеальный морок, она не могла догадаться!»

Морх уже начал лихорадочно думать, придется ли ему прямо сейчас превращаться в трехметровое чудище с щупальцами и сносить эту панельную девятиэтажку к чертям, как Наталья перебила его раздумья.

Не дав ему опомниться от шока, она резким движением сунула ему в руки черный полупрозрачный, мусорный пакет, забитый под завязку очистками, банками от консервов и ко-

робками из-под молока, а поверх бросила мятый клочок бумаги.

— Чего уставился, лучше делом займись, выпендрёжник недоделанный, — скомандовала она. — Сначала вынеси мусор, а потом дуй в «Пятёрочку». Вот тебе список: батон, молоко, десяток яиц, туалетная бумага — бери мягкую трехслойную, по акции, и пачка соли. Деньги в прихожей на тумбочке, сдачу вернешь!

Морх открыл рот, собираясь выдать мощный, утробный рёв древнего духа, от которого у любого лешего на триста километров вокруг завяли бы ветки:

— Послушай ты, смертная, я — Морх, повелитель...

Но в этот момент из комнаты донесся тяжелый шаг главы семейства, который вышел из зала в футболке и трениках с провисшими коленками, с газетой в руках. Не слушая никаких возражений, отец отвесил новоявленному «сынку» увесистый, но непривычный человеческий подзатыльник.

— Ты как с матерью разговариваешь, щенок?! — басом рявкнул он. — Совсем берега попутал? Марш делать, что мать велела!

Морх ошарашенно моргнул. За свою трехвековую жизнь в лесу он получал камнями от медведей-шатунов и залпы из ружья от браконьеров, но такой унижительной, психофизической оплеухи от обычного человеческого самца он не ожидал. Власть родительского авторитета в мире людей, оказалась сильнее любой лесной магии.

Потирая затылок, древнее зло глубоко вздохнуло, молча развернулось и поплелось к мусоропроводу.

Там, стоя в тесном, вонючем подъезде девятиэтажки, Морх из чистого научного интереса заглянул в недра черного мусорного пакета. Отыскав там обглоданную куриную косточку от вчерашнего супа, он машинально сгрыз ее прямо с хрящами, запил остатками кислого молока из коробки, после чего обреченно поплёлся в «Пятёрочку» за туалетной бумагой и яйцами, с удивлением осознавая, что в лесу было гораздо понятнее и проще.

Глава 3. Проклятие кассы самообслуживания

Выйдя из подъезда в зябкий сентябрьский двор, Морх вдохнул полной грудью прохладный воздух, смешанный с выхлопными газами, и уверенно пошагал к светящейся вывеске «Пятёрочки» рядом с домом.

Внутри магазина его нос сразу уловил странные, абсолютно незнакомые лесному чудищу запахи: резкой химической чистоты, горячего жира от курицы-гриль и картонных коробок. Морх, всё еще щеголявший в толстовке Марка с капюшоном, замер посреди торгового зала, с удивлением глядя на бесконечные ряды ярких полок. После мрачного, серо-зеленого Мертвого Клина обилие пластика, цветастых упаковок и желтых ценников производило лёгкий психоделический эффект.

«Странные у них идолы, — подумал лесной дух, разгля-

дывая аккуратную пирамиду из консервов с килькой в томатном соусе. — И жертвенные подношения какие-то подозрительные».

Смятый клочок бумаги с маминым списком покупок, Морх скомкал в руке. Он принялся выполнять этот нелёгкий квест:

Батон. Нашупал в хлебном отделе, сжал его с такой силой, что хлеб внутри фасовочного пакета мгновенно превратился в плотный мякиш. Морх удовлетворенно кивнул: так компактнее.

Молоко. Взял первый попавшийся тетрапак, понюхал уголок, по привычке проверяя свежесть, и едва не проткнул его острым ногтем.

Яйца. Морх открыл картонную коробку, проверил каждое на прочность легким постукиванием зубов — три тут же треснули, но дух сделал вид, что так и задумано, и захлопнул крышку.

Туалетная бумага. Пункт, вызвавший у древнего духа глубокий ступор. Возле стеллажа с рулонами по акции Морх завис на добрые пять минут. Башни из цветастой бумаги пахли персиком и ромашкой. «Для каких таких таинственных ритуалов смертные используют эту размягченную древесную кору? — размышлял он. — Наверное, заклинания пишут перед сном». Взяв упаковку, он закинул ее в корзину.

Пачка соли. Нашел, взял.

Наконец, квест был выполнен. Морх уверенно двинулся

к выходу, перешагивая через турникет мимо касс, искренне полагая, что раз он взял товар, то дух «Пятёрочки» уже благословил этот обмен.

Но путь ему преградила кассирша Татьяна — женщина лет сорока пяти с химической завивкой и взглядом ветерана торговых войн. Она молча посмотрела на Морха, на его помятый батон, мокрые от яиц пальцы и попытку прорваться к выходу не расплатившись.

— А ну стоять, молодой человек.! — разнесся по магазину голос, от которого у покупателей в радиусе пяти метров задержались глаза. — Ты куда прешь без оплаты? Чё, самый умный? А ну иди на кассу, расплачиваться кто будет?!

Морх замер. В его голове промелькнула мысль превратиться в моховой туман, разорвать крышу супермаркета и улететь обратно в тайгу. Но тут он вспомнил тяжелую отцовскую оплеуху, мамин половник и жутковатый авторитет этих двуногих созданий. Поняв, что против местной системы магия бессильна, древнее зло покорно поплелось к кассе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.